

Цюй Линь нахмурилась. Слова Чжао Цзинь были слишком провокационными.

Как и следовало ожидать, Юэ'эр, услышав это, хлопнула по столу и встала, её грудь вздымалась, долго не успокаиваясь.

— Он что, хочет выгнать нас всех со двора, чтобы единолично завладеть вниманием второго господина?

Юэ'эр была ещё молода, девушки из приличных семей в её возрасте всё ещё сидели дома и читали «Дао Дэ Цзин».

Чжао Цзинь поспешил добавить:

— Кто во дворе не хочет завладеть вниманием второго господина? Но я думаю, что госпожа не станет без причины принуждать второго господина к таким действиям.

Юэ'эр уже не могла слушать дальше, подхватила подол платья и отправилась «поприветствовать» госпожу. Чжао Цзинь с невинным выражением лица, будто сомневаясь, не совершил ли он ошибку, видя, что Цюй Линь не шевелится, вынужден был встать и последовать за ней.

Чай на столе ещё не остыл, чашки всё ещё сохраняли тепло. Цюй Линь подула на поверхность чая, выпила его залпом и содрогнулась от методов Чжао Цзинь.

Какое мастерство в использовании чужих рук для убийства!

Когда Юэ'эр и Чжао Цзинь прибыли во второй двор, Сун Цзиньшу только что встал с постели, одетый в тонкий красный халат, и выливал воду из комнаты под дерево во дворе.

Он слегка наклонился, его чёрные волосы ниспадали вдоль линии талии, изгибы от лопаток до поясницы были плавными и изящными, бледные кончики пальцев откинули прядь волос за ухо.

Какая прекрасная картина утренней красоты.

Юэ'эр на мгновение застыла, забыв о цели своего визита, пока Сун Цзиньшу не заметил их присутствия и не обернулся.

Красная родинка между его бровей заставила её резко повернуться к Чжао Цзинь.

Родинка Чжао Цзинь была нарисована румянами, выглядела тусклой и даже отвлекала от его черт лица. В сравнении с естественной, она казалась лишней и нарочитой.

Заметив взгляд Юэ'эр, Чжао Цзинь сжал платок в руке, ногти впились в ладонь через тонкую ткань, оставив ряд светло-красных полумесяцев.

Он ненавидел красную родинку Сун Цзиньшу между бровей.

Однажды, когда Янь Чэн напился и зашёл в его комнату, он невнятно пробормотал, что родинка Сун Цзиньшу — это изюминка, добавляющая ему шарма.

С тех пор Чжао Цзинь начал рисовать родинку между бровей.

Но второй господин никогда не обращал на него внимания, словно эта родинка на его лице была совершенно незаметной.

Сун Цзиньшу всё больше удивлялся, он открыл рот, чтобы спросить, зачем они пришли, но слова застряли на языке, и он просто стоял во дворе с железным тазом в руках, сопровождая Юэ'эр и Чжао Цзинь.

Чжао Цзинь первым очнулся, толкнул Юэ'эр локтем и прошептал:

— Пойдёмте поприветствуем молодого господина.

Юэ'эр, словно очнувшись от сна, поклонилась и украдкой посмотрела на Сун Цзиньшу.

Зная, что Сун Цзиньшу не может говорить, они, не дожидаясь, пока он разрешит им встать, последовали за ним во внутренние покои.

Увидев явные следы того, что здесь спали двое, Чжао Цзинь едва не сломал зубы от злости.

Янь Чэн и Сун Цзиньшу были женаты почти год, но никогда не спали вместе. Неожиданно, спустя несколько дней после Нового года, Сун Цзиньшу оказался в постели Янь Чэн.

Только оказавшись во внутренних покоях, Юэ'эр наконец пришла в себя, осмотрелась и ещё больше утвердилась в желании высказать свои претензии Сун Цзиньшу.

Внутренние покои были обставлены всем необходимым, что вызывало у неё зависть и зуд в сердце.

— Сегодня мы пришли не только поприветствовать молодого господина, но и обсудить кое-что.

Сун Цзиньшу только что встал, не нанёс макияжа и не уложил волосы, его чистые черты лица выглядели гораздо приятнее, чем у Юэ'эр.

Он никогда не общался с людьми из заднего двора, обычно к нему приходили слуги и служанки, которые, пользуясь тем, что он не может говорить и жаловаться, помогали своим хозяевам издеваться над ним, чтобы получить награду.

Это был первый раз, когда кто-то сел перед ним и заявил, что хочет обсудить что-то.

Чжао Цзинь, сев, замолчал, опустил глаза и слушал, как Юэ'эр выплёскивает своё недовольство, внутренне смеясь над её ограниченностью.

— ...Хотя вы и главная жена, но мы все были куплены вторым господином за деньги, наши контракты проданы, и на улице нас тоже называют господами.

Юэ'эр провела пальцем по золотой шпильке в волосах, мягкие подушечки пальцев касались твёрдого металла, ощущение было настолько приятным, что она не могла оторваться.

— Вы хотите завладеть вторым господином, мы это понимаем, но какая девушка или гэ'эр в заднем дворе не хочет внимания второго господина. Вы — главная жена, и должны понимать, что нужно делиться вниманием, чтобы не потерять свой авторитет в заднем дворе.

Авторитет?

У него его никогда и не было.

Пользуясь тем, что его называют немым, Сун Цзиньшу не отвечал, пальцы играли с нефритовой подвеской на поясе, которую Янь Чэн оставил ему в прошлый раз. Это был белый

нефрит с выгравированными иероглифами Янь Чэн.

Края подвески были гладкими, на ощупь она казалась тёплой. Кончики пальцев Сун Цзиньшу скользили по каждому уголку, постепенно переставая слышать, что говорила Юэ'эр.

— Я хочу посмотреть, как это — потерять авторитет!

Янь Чэн ещё не вошёл во двор, как услышал от дворника, что в заднем дворе кто-то пришёл к Сун Цзиньшу. Удивлённый, он услышал провокационные слова.

Он откинул занавеску и, увидев сидящего внутри Чжао Цзинь, слегка удивился.

Он думал, что Чжао Цзинь не станет вмешиваться в такие дела.

На мгновение разочаровавшись, он подошёл к столу, поднял Сун Цзиньшу со стула и обнял.

От прикосновения Янь Чэн Сун Цзиньшу инстинктивно сжался. Заметив это, Янь Чэн горько улыбнулся, осознавая, что сам навлек это на себя.

— Второй... второй господин.

Юэ'эр и Чжао Цзинь встали со стульев, опутив головы перед Янь Чэн, где уж тут было видно их прежнюю наглость перед Сун Цзиньшу.

— Что вы только что говорили? Продолжайте.

Янь Чэн был красив, когда хмурился, его брови резко изгибались, а орлиные глаза были острыми, его вид был пугающим.

Под его взглядом Юэ'эр и Чжао Цзинь едва могли стоять, не то что продолжать говорить.

Но Юэ'эр завидовала тому, что Сун Цзиньшу обнял Янь Чэн, и, видя, что Янь Чэн, похоже, не собирается их наказывать, решила, что он хочет услышать, как она будет ругать Сун Цзиньшу, и набралась смелости заговорить.

— Молодой господин завладел вторым господином, не оставляя его нам, сёстры в заднем дворе все ходят с грустными лицами. Я думаю, раз молодой господин уже год в доме и не забеременел, может, лучше сначала отпустить второго господина к нам...

Юэ'эр не закончила, как Янь Чэн смахнул всю чайную посуду со стола, фарфор разбился, осколки разлетелись в стороны, упали на вышитые туфли Юэ'эр и затем на пол.

Все трое испугались, Янь Чэн погладил спину Сун Цзиньшу, кончики пальцев чувствовали тепло его поясницы сквозь тонкую ткань.

— Будучи наложницами, вы пришли к главной жене, чтобы похвастаться, оскорбляя и клеветая на неё. Это то, чему вы научились в заднем дворе?

Янь Чэн всё ещё держал в руках документы на дом и землю, не зная, когда их вручить Сун Цзиньшу, и теперь, столкнувшись с этим, решил всё разом.

Он позвал служанку из переднего двора, велел ей вызвать управляющего и всех наложниц заднего двора во двор, а также послал кого-то в персиковый сад, чтобы пригласить Янь Чи в качестве свидетеля.

Все собрались в комнате, заполнив пространство до отказа, даже повернуться было трудно.

Янь Чи вошёл с улицы, с трудом подошёл к Янь Чэн, и Сун Цзиньшу помог ему сесть за стол, опершись на подбородок, наблюдая, как его брат собирается совершить нечто великое.

— Сегодня, в присутствии старшего брата, я, Янь Чэн, передаю Сун Цзиньшу документы на дом и землю семьи Янь, а также на лавку тканей и двадцать му земли. Двадцать наложниц заднего двора могут получить по десять лянов серебра у управляющего и с этого дня обрести свободу.

Сун Цзиньшу получил в руки документы на дом и землю, его руки казались тяжелыми, даже Янь Чи на мгновение удивился, но затем улыбнулся.

Он попытался вернуть документы Янь Чэн, но тот отказался их принимать, наклонился к его уху и сказал:

— Теперь всё, что у меня есть ценного, у тебя. Если я ещё где-то ошибусь, ты можешь выгнать меня из дома Янь без ничего.

— Эти наложницы не так важны, как ты. Если не веришь, просто посмотри в будущее. Если я когда-нибудь причиню тебе боль, пусть я, Янь Чэн, останусь без потомства...

Янь Чэн не закончил, как Сун Цзиньшу поднял руку и закрыл ему рот. В комнате раздавались плач и крики женщин и мужчин, Янь Чи, раздражённый, велел выгнать их в передний зал.

Увидев, что Янь Чэн действительно не собирается передумать, большинство, ругаясь, забрали деньги, собрали вещи и покинули дом. Несколько человек всё ещё надеялись и ждали во дворе, но так и не дождались, пока Янь Чэн выйдет из комнаты.

<http://bllate.org/book/16689/1531862>